

Што тычыцца запісаў сацыяльна-эстэтычных, то яны закранаюць вялікую колькасць пытанняў, якія адлюстроўваюць сучаснасць або тыя ці іншыя праблемы мінуўшчыны. Асабліваць запісаў у тым, што ў іх, у адрозненне ад мініяцюр на «чыста» сацыяльную тэму, аўтар гаворыць пра праблемы, якія тычацца творчасці ўвогуле і літаратуры – у прыватнасці. Гэта праблемы стаўлення літаратараў розных пакаленняў да адлюстравання ваеннай тэмы, лёсу рэпрэсаваных пісьменнікаў, мастацтва і палітыкі, немагчымасці існавання «рамак» для мастацтва, сувязі творчасці з перыпетыямі сённяшніх або ўчарашніх дзён і інш.

Такім чынам, мініяцюры Янкі Брыля характарызуюцца разнастайнасцю тэматыкі, зваротам да шматлікіх аспектаў таго ці іншага пытання, багаццем формавыяўлення і – што асабліва адметна – адценнем медытацыйнасці і лірызму, якое прасочваецца ў кожным яго запісе

МИФОПОЭТИКА СБОРНИКА К.БАЛЬМОНТА «ФЕЙНЫЕ СКАЗКИ»

О. С. Кочеткова

«Фейные сказки»... это прозрачный мир... Дети... не могут не понять и не полюбить этих сказок, может быть, непонятных многим взрослым», – писал А.Блок в рецензии на сборник К.Бальмонта «Фейные сказки» (1905). Вероятно, такая «непонятность», а также активное использование поэтом образов волшебной русской и реже – западноевропейской сказки, обращение к детскому фольклору, народным напевам и устойчивым выражениям; переосмысление пушкинских сказочных образов Старика и Старухи [6, с. 194]; на языковом уровне – предпочтение деминутивов, «детской» лексики и синтаксиса – все это привело к тому, что исследователи стали относить «Фейные сказки» к «детской литературе» [7], а в лирическом сюжете сборника видеть картины освоения ребенком-феей мира, попадания девочки в «забавные ситуации» [3]. При подобном прочтении третья часть книги «Былинка» вносит «диссонансы в эту лирическую поэму о сказочном царстве» [2]. Между тем, учитывая мифопоэтический контекст творчества К.Бальмонта середины-второй половины 1900-х годов, прочитывая сборник «серьезно», помня о «наивно-непосредственной» [5, с. 206] природе самого творчества Бальмонта, можно заметить цельность книги, проследить логику её построения и дать ей несколько иное толкование.

Первый цикл сборника называется «Фея». «Ныне Фею выбираю // Музою моею» [1, с. 8], – говорит поэт. «Чары Феи» – главное её свойство. Муза предстает перед нами невестой, с ней связан мотив молодости

(«Прогулка Феи»). В образе Музы лунарная символика соединена с солнечной (Фея «лунно-нежная» («Ветерок Феи»), но поясок у неё «покроя струнного // Из ярких солнечных лучей» («Наряды Феи»)), что позволяет рассматривать «Фейные сказки» в эстетической парадигме мифопоэтического [8], а не «раннего» [4, с. 57] символизма.

Образ Музы посредством глагольных метафор (Фея говорит с цветами, звонко хохочет, строит лодку и др.) олицетворяется, обретает «тело» и пространство – в широком смысле предметного – «земного» мира, где, с одной стороны, все реально, а с другой – во всем проявлены качественные характеристики «фейного» (см. схему 1). Фея живет в скрытом под листком замке. Здесь, в «паутиной зале», по воле Феи «ткань паук плетет прилежно». Так гармонизируется связанный с образом мухи хаос в сказочном мире («Фея за делом», «Фея», «Беспорядки у Феи»).

Дело Феи – это творчество, вдохновение (воля), рождение из «гама» песни.

Лирический герой, поэт, или лишь воспринимает нашептанное «пенье строк» от играющего, изменчивого, весеннего, возвращающегося каждый миг, посланника Феи («Ветерок Феи»), или уподобляется «фейным» труженикам: «Из тонкой шелковинки я ниточку пряду». Однако за пряжей он усыпляет Фею («Шелковинка»). День сменяется ночью. Сказка – сном (см. схему 2). Открывается второй, «фееборческий», цикл – «Детский мир», где главный герой, «мальчик, поэт», к которому «возвратилось младенчество лет» (его «Утро»), проникает в сказку и, попадая под град насмешек (ирония «Сказочек», «Глупенькой сказки»), пытается разгадать тайны девочки-«Русалочки» (ср.: «Фея вод» («Три песчинки»)), Бабы Яги (образ Ведьмы («У чудищ») выглядит пародией на образ Феи), то есть. Музы. В борьбе («Детская песенка», «Кошкин дом») он приближается к ней, становится активным, юрким, невидимым и исчезающим, способным её высмеять («У чудищ»). Теперь лирический герой сам может играть с волшебным светом: царство детского мира – «царство темноты», где слепые кроты «зажигают вырезные лампы» («Гномы»), освещающие путь, ведущий к будущему «Светлому миру» правдивых, истинных «Былинок» (былинка-травинка и былинка-быль). Подтверждением чего становится появление в «Детском мире» «дружной семьи» (вспомним Фею-невесту), в которой вместе от тоски Старик со Старушкой создают «Море... и лесные чары» («За грибами», «Раковинки»). Последний шаг к счастью по утрам (всего мира) в «грезе алой» («Лучше»), когда можно рассказать сказку-быль о вернувшейся во сне в каждой из четырех временных ипостасей картине своего детства, сделан в третьем цикле «Былинок»: «А я – Волшебный Фей» («Фей»).

Фея – лирическое «я» – Фей
Луна – Солнце
Земля (Весна (Май)): цветы (лилия, ландыш, лен, бессмертник – гроздь роз, лист рябины, подсолнечник, одуванчик) лес, бор – сад, береза золотое зерно река (Влага) – ветерок, громы светляк, бабочка, стрекоза – паук, пчела, муравей – муха соловей – жаворонок волк – мыши русалка, Баба Яга – леший, Кощей
Темы: творчество (пение и ткачество) – волшебство – синкретизм
Лейтмотивы: красота – бессмертие – безбрежность – воля – любовь Мотивы: торжество – молодость/ детство, возрождение и возвращение – отражение – кружение – мгновенность – игра – борьба – горение – изменчивость

Схема 1. Система основных образов и мотивов сборника «Фейные сказки»

ры, являющейся в образе «земного» одуванчика, где «лунное» серебро сплетено в веселом «пире» с «солнечным» золотом, где вечность запечатлена в вечно возвращающемся миге весны, свидетельствует о рождении собственного субстанционального, самодостаточного космоса. Поэт «восстанавливает» Истину из её явленного в «земном» фрагмента.

Схема № 3 иллюстрирует модель рождающегося «Светлого мира», на ней изображена система сфер, соотносимых между собой по принципу матрешки. Ядерная сфера лунарная, «созерцающая», а под действием солярного – «прозревающая» Мир, срединная – земная, «природная», «облекающая» Мир, господствующая – солярная, «творящая» Мир. Сферы взаимопроницаемы, «прозрачны». Их ядро – со-

Образ Феи соединен сознанием с образом лирического «я» (ведь Муза изначально была «выбрана» им). Поэт – волшебник. Внезапность, миг, движение, непостижимое рассудком вдохновение («Как я пишу стихи») – и в его сердце прорастает золотое «Зерно», создается новый мир (см. схему № 3), подобный «Седому одуванчику»: «Одуванчик, целый мир, // Круглый, как земля, // Ты зовешь меня на пир, // Серебря поля... “Расцветай с Весной... Будь в весельи мной... Но тоска и страхи – ложь, // Счастье вечно здесь” ... Будешь снова золотой // Утром, через год».

Для поэта характерно универсальное видение мира. Создание пространственно-временной сферы,

Схема 2. Мотиво-образная логическая структура книги «Фейные сказки»

лярное «золотое зерно», во времени относящееся к определенному выше мгновению (экстатическое состояние творческого опьянения, восторга, торжества). Ось Мира – солнечный луч. Сфера находится постоянно в стадии становления («в пути»). Она подвижна, поскольку существует во времени. Время циклично и бесконечно. Каждый виток «прозрения» точек-соответствий трех сфер есть фрагмент восстанавливаемой Истины (сферы). Творчество есть волшебство, позволяющее осуществить эти витки.

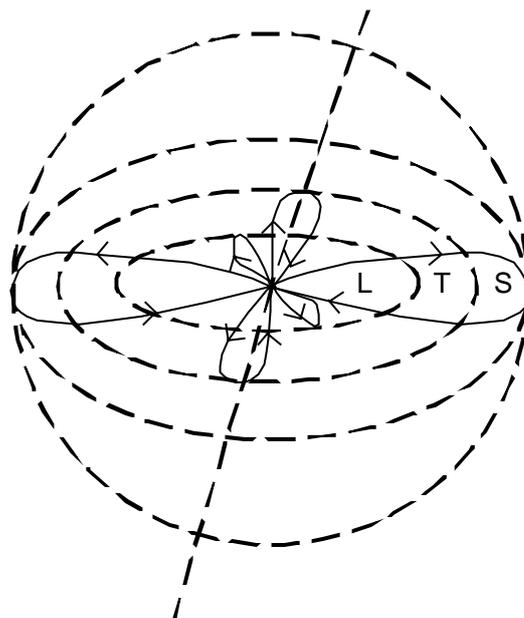

Схема 3. Модель рождающегося мира

В книге «Фейные сказки» Бальмонтом создается миф о творчестве. Общение с четырехлетней дочерью Ниникой (ей посвящен сборник) позволило поэту на материале «детской» образности рассказать о пути мальчика-поэта к поэзии, которую впоследствии в своей программной статье Бальмонт определит как волшебство.

Литература

1. *Бальмонт К. Д.* Собрание сочинений: В 2 т. Можайск, 1994. Т.2.
2. *Брюсов В. Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 167.
3. *Дубровская И. Г.* Особенности лирического сюжета в «Фейных сказках» Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1999. Вып. 4. С. 108–109.
4. *Жибуль В. Ю.* Детская поэзия Серебряного века. Модернизм. Мн., 2004. С. 54–66.
5. *Иванов В.* Родное и вселенское. М., 1994.
6. *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.
7. *Макогоненко Д.* Штрихи к портрету // Бальмонт К. Стихотворения. М., 1989. С.529.
8. *Ханзен-Лева А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003.